

Виктория Токарева

Внутренний голос

Новая
книга
любимого
автора

18+

И з д а т е л ь с т в о « А з б у к а »

Виктория Токарева

Внутренний голос

«Азбука-Аттикус»

2023

УДК 821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43

Токарева В. С.

Внутренний голос / В. С. Токарева — «Азбука-Аттикус», 2023

ISBN 978-5-389-22124-6

«Существуют русские сказки, где герой, какой-нибудь Иван-дурак, останавливается на перекрестке трех дорог. Одна – вправо, другая – влево, третья – прямо. Если вправо пойдешь, смерть найдешь, если влево – любовь встретишь, а если прямо – царство с сундуками, полными золота. Плюс золотой унитаз. Что выбрать: смерть, любовь или богатство?» Виктория Токарева

УДК 821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43

ISBN 978-5-389-22124-6

© Токарева В. С., 2023
© Азбука-Аттикус, 2023

Содержание

Внутренний голос	6
Мир против нас	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Виктория Токарева

Внутренний голос

(Рассказы)

© Токарева В. С., 2022

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Внутренний голос

Кинооператор – профессия мужская, поскольку приходится таскать тяжести. Но Клара со своим каркающим именем и пронзающим серо-зеленым взглядом не боялась никаких трудностей, в том числе и любви.

Ее любовь, как правило, была бесперспективной. Почему? Потому что Клара влюблялась в первачей, то есть в знаменитых мужчин.

Знаменитость – значит талант. Талант – это власть. А власть эротична.

Что за радость любить почтальона, или водопроводчика, или инженера за сто двадцать рублей в месяц?

Клара влюбилась в Боголюбова – исполнителя главной роли, народного и заслуженного. Они работали на одной картине. Она – оператор. Он – главный герой.

Их любовь была видна на экране. Боже! Какие были крупные планы, какие портреты Боголюбова. Не захочешь, а влюбишься.

Клара – талантливый оператор и настойчивая женщина.

В конце съемок Клара забеременела, что естественно. Чем еще кончается любовь? Любовь для этого и придумана природой. Ловушка, в которую попадают все за редким исключением.

Кларе было под сорок. Ни мужа, ни детей. И вдруг – беременность, да еще от народного артиста – богатого и красивого. Она любила бы его любым – хромым и горбатым. Но красота – это ловушка номер два. Невозможно устоять.

У Боголюбова к этому времени уже было в анамнезе четыре брака и пять детей в сумме. И он вовсе не обрадовался внеплановой беременности Клары. Он сказал:

– Я свою жизнь изменить не могу. И не хочу.

– Почему?

– Потому что меня устраивает моя семья.

– Я хочу иметь твоего ребенка, – заявила Клара.

– Зачем он тебе без меня? – удивился Боголюбов.

– Мы никогда не знаем своего будущего. Если ты меня бросишь, останется твой ребенок как память о тебе. А иначе ничего не останется. Воздух. Воспоминание.

– Дай мне спокойно умереть, – взмолился Боголюбов.

– Умирай себе на здоровье. А вместо тебя останется твое продолжение. У меня очень хорошие гены. Это будет качественный ребенок.

Ребенок действительно родился качественный, но Боголюбов даже не захотел на него посмотреть.

Клару встречали из роддома чужие люди, которые принесли одеяло и все необходимое.

Клара назвала сына Ярослав. Сокращенно: Ясик. Он и был похож на свое имя: ясный, солнышко.

Первое время ребенок походил на старичка – много спал и ел. Через полгода расцвел – вылитый ангел. Ни у кого нет таких детей.

Клара постоянно его фотографировала и размещала фотографии на обложках журналов. Надеялась, что Боголюбов увидит и прибежит. Но Боголюбов ребенком не интересовался. У него были свои внуки в количестве четырех штук.

Однажды Клара встретила Боголюбова в коридоре студии. Подошла и спросила:

– Почему ты не интересуешься сыном?

– Потому что это ничего не меняет, – ответил Боголюбов.

– Ты подлец, – объявила Клара.

– Я тебе ничего не обещал, – возразил Боголюбов. – Если бы я обещал, а потом обманул, я был бы подлец. А сейчас я неподсуден.

Поговорили и разошлись в разные стороны. Что тут можно сделать? Ничего. Можно потребовать алименты, но не хочется. Стыдно как-то.

Пришлось Кларе одной тащить по жизни своего ненаглядного Ясика.

В детский сад не отдавала. Боялась инфекций. Через три года наняла няньку – этническую немку по имени Марта. Клара доверяла ей полностью.

Ясик обожал свою няню. И ждал ее каждое утро. Стоя у окна, прижав мордочку к стеклу. Из окна было видно, как Марта выходит из автобуса и направляется не к дому, а в магазин. Она приехала на двадцать минут раньше и хочет использовать это время в своих интересах: зайти в магазин и купить продукты для своего собственного холодильника. Могла бы зайти в магазин после рабочего дня. Но нет.

Ясик страдал у окна. Он скучал, любил, а Марта шла в другую сторону.

– С-сучка, – шипела Клара.

Ей было обидно за Ясика. При этом становилось ясно, что Марта – чужой человек. А это обидно. Хотелось подлинных чувств, подлинного родства.

Ясик рос залюбленным ребенком и понятия не имел, что он может кому-то не нравиться.

Однажды он вышел на лестничную площадку, громко тарахтя заводной игрушкой.

Соседка Милка в это время укладывала своего ребенка на дневной сон. Шум за дверью ломал все ее планы. Милка открыла дверь и вылила на Ясика ведро злобы. Она выкатила глаза на лоб и стала выплевывать ужасные слова типа «урод», «выпердок»...

Ясик не понимал значения слов, но злоба ударила его наотмашь, как дверью по лицу. Он уткнулся лицом в стену и замер.

Клара выглянула на площадку, увидела перекошенную Милку, неподвижного Ясика.

Кларе стало ясно: ее сын впервые встретился с нелюбовью. Его это потрясло.

Клара присела на корточки, чтобы их глаза оказались на одном уровне, тихо сказала:

– Да, в мире есть злые люди. И не всем ты будешь нравиться. Я тебя люблю. И моя любовь будет тебе защитой. Всегда.

Ясик развернулся и прижался своим личиком к лицу Клары. Клара подняла сына на руки, внесла в свою квартиру и захлопнула дверь. Как бы отсекала тот мир от этого. Там холод и сквозняк, а здесь тепло и тихо. Мама.

Клара обратила внимание: перед тем как заснуть, уйти в ночной сон, Ясик принимался рыдать, буквально впадал в истерику. Он рыдал, набирая силу, а потом вдруг внезапно уставал и засыпал без задних ног и спал крепко и глубоко. Клара поняла: ребенок нервный. Унаследовал он папашу.

О Боголюбове говорили, что перед важной съемкой он обязательно к чему-то придирался и устраивал скандал, потом прекрасно играл нужную сцену. Получалось, что артист черпал энергию из невротического слоя. Такая природа.

Клара плохо знала Боголюбова. Знакомилась с ним через Ясика: манера есть, наклоняя голову то к правому плечу, то к левому. Манера подпрыгивать, когда ему что-то нравилось, и много чего еще.

Клара любила своего сына страстно, и, когда на него жаловались в школе, она перебивала и вскрикивала: «Мой ребенок идеальный!»

Клара была уверена, что ее сын унаследовал талант отца и у него впереди большое и блестящее будущее. Разве лучше было бы иметь обычного мужа со штампом в паспорте и обычное потомство? Пусть Боголюбов мерзавец, но он сделал Кларе бесценный подарок. Жизнь без Ясика представлялась пустой и бессмысленной.

Теперь Клара понимала, что такое счастье. Раньше это было только слово из семи букв, а теперь у этого слова было личико, руки, ноги и характер.

Когда Ясик был собой доволен, у него приподнимались нижние веки. Выражение лица становилось значительным, как у фельдмаршала Кутузова. Ясик мыслил себя не ниже. Он был тщеславным.

Тщеславный, психоватый, красивый, любимый – он был надо всем как небо.

Учился Ясик неровно. То, что ему нравилось, а именно литература, он постигал мгновенно. И его сочинения зачитывали вслух как образец.

А физику он ненавидел и ненавидел учительницу Зинаиду Кузьминичну, которую они коротко называли Зинка.

Зинка ставила Ясику двойки, часто за дело, но в основном из вредности.

Ясик зубрил: «Ускорение свободного падения равно – 9,8. Сила удара равна массе, помноженной на ускорение». Зачем это надо знать? Ясик лез из кожи вон, постигая мертвую для него науку, но Зинка не замечала его усилий.

Боголюбов не усыновил своего ребенка, и Ясик носил фамилию матери: Константиновский. Фамилия неудобная – шестнадцать букв, но что поделаешь? Приходилось пользоваться тем, что есть.

Ясик жаловался матери:

– Она мне орет: «Константиновский, Константиновский!...» Хотя прекрасно знает, что я – Ясик.

Клара ходила в школу, пыталась умаслить Зинку. Делала фотопортреты, дарила подарки – никакого результата. Зинка ненавидела Ясика как Сталин Троцкого, как Ельцин Горбачева. Клара решила поменять школу, но произошло событие, из которого стало ясно, что ангел-хранитель на стороне Ясика.

Зинка переругалась с директором, обозлилась и подала заявление об уходе. Причина была мелкая, как и вся Зинка.

Весь класс 6 «Б», в котором учился Ясик, решил пойти к Зинке на поклон, упасть в ноги и упросить вернуться в школу.

– Я зачем? – не понял Ясик. – Я не хочу, чтобы она возвращалась.

– Она может передумать и вернуться, – объяснил староста класса.

– И чего?

– Она запомнит: кто к ней приходил, а кто нет.

6 «Б» класс оделся в раздевалке, гурьбой вывалился из школы и пошел направо в сторону блочного дома, где жила Зинка. А Ясик забросил свой рюкзачок на спину и пошел налево, к своему дому. Клара поняла: у Ясика всегда будет свое мнение и своя дорога. Он всегда будет в оппозиции.

Зинка не вернулась. Пришел новый учитель физики – Сергей Иванович. Он стал ставить Ясику тройки. Клара говорила:

– Три – удовлетворительно. Государство удовлетворено.

Ясик благополучно доскакал до аттестата зрелости. Сергей Иванович поставил в аттестат – четверку. Зачем портить человеку жизнь?

Ясик был потрясен благородством Сергея Иваныча и сделал ему подарок. Нашел хороший кусок деревяшки и выточил бычка, потом он его полировал до блеска наждачной бумагой. Бычок получился как будто лакированный. Его было приятно держать в руке.

– Что это? – удивился Сергей Иваныч.

– Амулет, – сказал Ясик. – На счастье.

Сергей Иваныч долго рассматривал, потом сказал:

– Тебе надо учиться на ювелира. У тебя талант, как у Фаберже...

Настал выпускной вечер. Вручали аттестаты зрелости.

Директор Серафима Геннадьевна протянула Ясику аттестат и проговорила:

– Будь другим.

Ясик не ответил. Зато ответила Анджела из 10 «А», стоящая следом за Ясиком:

– Сама будь другой, старая манда!

– Что?? – оторопела Серафима Геннадьевна.

– Ничего, – ответила Анджела.

– Ты что-то сказала...

Она сказала:

– Ярослав переделывать – только портить...

Анджела взяла из рук директрисы свой аттестат. Они с Ясиком отошли вместе.

– Ты как моя мама, – сказал Ясик. – Она тоже уверяет: «Мой сын идеальный!»

– Так и есть, – согласилась Анджела.

Ясик внимательно посмотрел на девушку. Он видел ее и раньше, но увидел только сейчас: голый пуп, на голове кепка с длинным козырьком.

– Давай уйдем отсюда, – предложил Ясик. – У тебя родители присутствуют?

– У меня их нет. Я детдомовская.

Они пробрались к выходу. Выпускной вечер прошел без Ясика и без Анджелы.

Клара на выпускной вечер не попала. У нее была вечерняя смена.

Выпускной вечер – формальность. Главное – другое. Куда пойти учиться?

К точным наукам Ясик был глух. Журналистика – не профессия, а времяпрепровождение.

За свою жизнь Ясик несколько раз преображался. В детстве – ангел, в отрочестве – тонконогий журавлик, и в одно прекрасное утро он проснулся копией своего папаши в ранней молодости.

Боголюбов и в преклонные годы был хорош. А в молодости полностью соответствовал своей фамилии. Любимец богов: не глаза – очи, высокие брови, детский рот.

Ясик – точный слепок с папаши. Сам собой напрашивался ВГИК, Институт кинематографии. Актерский факультет. Продолжение династии.

Клара узнала: конкурс на актерский – 200 человек на место. Не продрагаться.

Она позвонила Боголюбову, попросила посодействовать. Но у Боголюбова был принцип: не проси. Он сам никогда не просил и ненавидел попрошайек.

– Я не буду просить, – отказался Боголюбов.

– Мерзавец, – коротко сказала Клара.

– Ты повторяешься.

– А ты не меняешься.

Разговор был закончен. Но просить не понадобилось. Ясика взяли сразу. За что? За внешность. Он – совершенный герой-любовник. Красота – редкость, бывает, что роль ничего больше не требует, кроме красоты. А таких актеров мало. Раз, два – и обчелся.

Ясик отрастил волосы до плеч. Собирал в хвостик. Глаза – серо-зеленые, прямого разреза. На него постоянно хотелось смотреть. Красота была не приторной.

В приемной комиссии поразились сходством студента с актером Боголюбовым.

Спрашивали:

– Боголюбов не родственник ваш?

– Не родственник. Но отец.

Ясика зачислили на актерский факультет, и он почти сразу получил предложение от киностудии: сыграть манекен. Ничего не надо было делать, только стоять в витрине. Стоять следо-

вало долго и неподвижно, а это мучительно. Но все-таки – гонорар за съемочный день. Можно купить Анджеке цветы, и еще останется...

Анджека росла в детском доме. Их там били. Анджека научилась давать сдачи.

Анджека рассказывала окружающим, что ее мать – еврейка. Все удивлялись и подозревали, что Анджека врет. Еврейки, как правило, не сдают своих детей государству, а воспитывают сами.

Ясик и Анджека начали встречаться. С ней было интересно. Все остальные девчонки – обычные, Анджека – необычная. Другая. У нее были сокрушительные планы, типа получить место депутата в Думе и руководить страной. Вводить новые, справедливые, законы.

Второй вариант: поехать в Эмираты, выйти замуж за шейха. Купить «мерседес» и проехать на «мерседесе» под окнами детского дома. Пусть увидит персонал, который ее бил и привязывал полотенцами к кровати. Пусть убедятся, кто она и кто они. Это была генеральная мечта жизни.

Анджека любила передвигаться: отправлялась автостопом без копейки денег и без проблем добиралась до цели. Проблемы, конечно, были, но для нее это не проблемы. Все решается.

После окончания школы государство выделило ей жилплощадь – восьмиметровую комнату в аварийном жилье под снос.

Вместо кровати – надувной матрас. Он постепенно сдувался, превращался в подстилку. Приходилось поддувать.

Стены комнаты были в глубоких трещинах. Некоторые – шириной в ладонь. Анджека затыкала трещины своими трусами, потому что из щели дуло.

Начиная от потолка, стены были в затеках, как будто обоссаны. Побелка шелушилась. Цвел грибок. Страшно всем этим дышать. Зато у Анджели появилась прописка: Лесная улица, дом 4.

Настала зима. В аварийном доме отключили отопление.

Анджека и Ясик ночевали в морге. Их пускал охранник Толик. Он сторожил помещение, потому что там азербайджанцы хранили бананы.

Не следует думать, что в морге покойники и больше ничего. Покойники там, конечно, занимают свои морозильные камеры, но помимо камер в морге есть и другие помещения, в которых работают судебные эксперты. И просто отдыхают: комната отдыха с диваном, креслами и телевизором.

Диван был узкий, неудобный, но это не мешало.

Близкое присутствие покойников одновременно замораживало и возбуждало. Ясик никогда не испытывал ничего подобного.

Он засыпал и просыпался. На его руке покоилась тяжелая голова в кепке. Рука Ясика онемела, но он боялся ее вытащить, чтобы не потревожить сон – такой незащитный, такой драгоценный.

Ясика посетила первая любовь. Он не знал, что бывает вторая и третья. Он думал, что первая – это единственная.

Иногда Толик их не пускал по разным причинам. Тогда они шли на Лесную, дом 4. Ясик опасался, что когда-нибудь потолок рухнет ему на голову.

– Как можно так жить? – поражался Ясик.

– Другие же живут, – оправдывалась Анджека.

В доме жили еще восемь семей.

– А государство куда смотрит?

– Государство не смотрит. У него свои дела.

– А от кого это зависит? Я пойду и набью им морду.

- Тебя не пустят. Или посадят.
- Что же делать?
- Обещают расселить.
- Когда?
- Когда-нибудь...
- Живи у меня, – решил Ясик.
- Это предложение руки и сердца? – уточнила Анджела.
- Как хочешь. Я не могу тебя здесь оставлять. Мне стыдно.

Прежде чем переселить Анджелу к себе, Ясик решил предупредить Клару. Все-таки он жил не один.

У Клары глаза вылезли на лоб.

- Какая еще Анджела? – испугалась она. – Тебе восемнадцать лет, ты учишься.
- У меня любовь...
- Ты живешь на моем кошельке и на моей территории. Ты приведешь девушку, она забеременеет и родит, вас будет трое. А я – одна. Ты не подумал? О ней ты подумал, а обо мне?
- Я обещал.
- Но я ее даже не знаю.
- Узнаешь. Это не проблема.

Знакомство – действительно не проблема.

Ясик привел Анджелу в дом. Она предстала перед Кларой в кепке-бейсболке.

«Уголовница, – подумала Клара. – Зэчка. Где он ее взял? На вокзале?»

Клара поставила на стол запеченную курицу, обложенную беконом. Салат.

Анджела не притронулась к еде.

- Почему вы не едите? – спросила Клара.
- Мне куры надоели. Я их переела.
- А где вы их переели?
- В детдоме. Нам каждый день варили куриный суп: головы и лапы.
- Анджела росла в детском доме, – объяснил Ясик.
- А где ваши родители?
- Маме было не на что меня содержать. Папа пил. А потом вообще ушел.
- А сейчас он где?
- Не знаю.
- А мама?
- Мама в Пскове. Я сейчас не могу ей помочь. Но, когда поднимусь, заберу ее к себе.
- Понятно, – сказала Клара.
- Ей было понятно, что в ее доме дополнительно поселится бомжиха – новая родственница.
- А сами вы где живете?
- Лесная, 4.
- Помолчали.
- Я бы хотела встретиться с вами лично, без посторонних, – сказала Клара.
- А кто здесь посторонний? Ярослав? – спросила Анджела.
- В данном случае да. Ярослав – посторонний.
- Говори все, что хочешь, – разрешил Ясик. – Не стесняйся. Я все равно свое решение не изменю.

– Хорошо. Я скажу все, что думаю. А думаю я так: вокруг полно приличных, порядочных девушек. Почему ты выбрал неприличную и непорядочную? Нищую и хищную. Ты – сын

народного артиста, гениального человека. А твоя Анджела – с помойки, с самого дна, и это видно.

– Каким образом? – спросила Анджела.

– Почему ты сидишь за столом в кепке?

– Грязная голова.

– А помыть нельзя?

– Нельзя. У нас кран прорвало.

– Люди по-разному живут, – вставил Ясик.

– Короче. Делай свои дела без меня. Я больше не вмешиваюсь. Ты мое мнение знаешь.

Я не для того тебя родила и растила, чтобы утопить в Достоевщине...

Клара поднялась. Вышла из комнаты. Потом вернулась и добавила, обернувшись к Ясику:

– Я твой паспорт выкрала и спрятала.

– Вопрос: кто здесь неприличная и непорядочная? – спросила Анджела.

– Ни о какой женитьбе не может быть и речи. Если хочешь, трахай ее где угодно: на природе, в подъезде. Ей не привыкать. А ко мне домой ее не води.

– Да я и сама не приду, – сказала Анджела.

Вышла из-за стола. Громко хлопнула входная дверь.

Ясик заплакал. Он плакал редко, и Клара смутилась.

– Нашел, о ком горевать...

– Я ее люблю – такую, как есть.

– Это ошибочный выбор. У тебя незрелая душа. Я должна огородить тебя от ошибок молодости. Они неизбежны. Анджела – жестокая ошибка.

– Откуда ты знаешь? Кто тебе сказал?

– Мой внутренний голос.

– Вот и разговаривай с ним...

Ясик оделся и ушел. Он отправился искать Анджелу, но не нашел. Соседи сказали, что она уехала в Псков. Адрес не оставила.

Ясик на всякий случай зашел в морг. Там работал другой охранник, сменщик Толика. Он не мог понять: какую Анджелу ищет молодой парень – живую или мертвую?..

Анджела тем временем сидела в поезде и смотрела в окно. За окном тянулись пустые земли. Анджела удивлялась: как много неосвоенных земель. А в Японии, говорят, теснота. Один дом на другом. Да еще и трясет.

О Ясике старалась не думать, запретила себе думать и сожалеть. Ясик – мамсик, всю жизнь будет плясать под мамашину дудку. Это участь всех сынков, растущих без отца.

А Клара никого не уважает, кроме себя и своих. Все остальные – третий сорт. Помидоры с гнилым боком. Брак.

За свою жизнь Анджела переела унижений и возненавидела их, как куриный суп.

Для Ясика началась полоса безвременья. Вакуум. Его как будто засунули в полиэтиленовой мешок и выкачали воздух.

Сидеть дома ему не хотелось. Мать все время пыталась оправдаться, заводила душераздирающие беседы.

Ясик уезжал в общежитие. Там шло пьянство и блядство на фоне яичницы с колбасой. А также магазинных котлет.

Девушки, поступившие на актерский, не сомневались в том, что они будущие звезды и секс-бомбы в настоящем времени.

Девушки – красавицы и полукрасавицы – ждали принца, а пока что соглашались и на Ясика. Намекали. Ясик не сопротивлялся.

Случайная близость его опустошала. Он никого не любил, кроме Анджелы.

Чем она его взяла? Тем, что была ЕГО. Ничья, только его. Как собака.

Чем Андже́ла отличалась от тех девушек, которых Клара называла приличными и порядочными? Книжек мало прочитала. А возможно, и не читала вовсе. Отличалась культурой, вернее, отсутствием культуры.

Как можно было поправить дело? Снять кепку, вымыть голову, убрать бриллиант.

Что должен был сделать Ясик? Составить список обязательных книг, а главное – любить, поднять самооценку. Сказать, глядя в глаза: «Ты лучше всех. Ты – единственная. Все, что было раньше в твоей жизни, – забудь. Я есть у тебя. А вместе мы – сила. Кулак».

Вот и все, что требовалось. А Ясик этого не дал. Он усугубил. Сделал еще глубже ту щель, в которой ее держала жизнь.

Хорошо, если она обозлится и плюнет на Ясика. А может, сесть на задницу и скатиться вниз, как с горы. Куда? В наркоту. В обиду. А на обиженных воду возят.

Студенческая жизнь шла своим чередом. Что в ней хорошего? Только молодость. А в остальном – безденежье, желание еды и любви.

В программу обучения входили уроки танцев.

Ясик двигался красиво. Ему в пару досталась Вера Брусника – хрупкая, как балерина. Она мечтала заниматься балльными танцами. Балльные танцы держат фигуру, а хорошая фигура – спутница любви.

Вера Брусника предложила Ясику вместе заняться танцами, но Ясик отказался. Эти изящные юноши, крутящие задом, вызывали в нем отторжение.

Актерское мастерство вел актер Белогуров. Он учил хитростям ремесла.

Главным человеком на курсе являлся великий Анисимов: стройный, лысый, талантливый, неповторимый. Все красавицы курса прошли через его руки. Их никто не заставлял. Такому лидеру хочется подчиниться и принадлежать. Завистники Анисимова называли его «пожиратель молодости». Так оно и было. Анисимов питался молодой любовью и от этого сам не старел и даже становился моложе. Когда он умер, никто не мог в это поверить. Анисимов казался бессмертным. И в гробу был красивый.

Все студенты жались к Анисимову, хотели быть ближе. А Ясик не хотел. Он предпочитал хранить дистанцию. Почему? Потому что при ближайшем рассмотрении кумиры проигрывают. Лучше держаться от них подальше.

Частично повторялась история с Зинкой.

Вера Брусника пригласила Ясика на свой день рождения.

Она жила на Кутузовском проспекте в доме, где была квартира Брежнева.

На день рождения была приглашена половина курса. Ясик согласился. Почему бы и не пойти.

У Пушкина есть слова: «Кипит прожорливая младость».

Именно это и происходило. Стол ломился от еды и выпивки. Выпивка – водка, настоящая на лимонных и апельсиновых корках. Еда – традиционная для того времени: холодец, салат оливье, селедка под шубой. На горячее принесли казан плова. Один запах чего стоил.

Ясик оглядывал женский состав. Больше других ему нравилась старшая Брусника – мать Веры. Было непонятно, сколько ей лет, но по виду она почти не отличалась от своей дочери – хрупкая блондинка с изумрудами в ушах. Еще одни изумруды – глаза. Руки без колец, чтобы не было слишком. Слабый запах дорогих духов. Сдержанность.

Сама именинница Вера сидела возле Ясика, и он угорал от ее духов. Это были модные французские духи под названием «Опиум».

Вера вся была «слишком», и даже хрупкость ее была избыточна. Того и гляди сломается. Талия настолько тонкая, что непонятно, где там умещаются внутренние органы? В такой объем ничего не засунешь.

Старшая Брусника проявляла внимание к Ясику, возможно, рассматривала его как будущего зятя. Ясик задерживался на ней глазами и чокался рюмкой только с ней. Старшей Бруснике это льстило, но она не позволяла себе кокетничать с мужчиной на двадцать лет моложе.

Отца Брусники за столом не было. Не позвали. Или сам не захотел.

– А где твой отец? – спросил Ясик у Веры.

– Где-то... – неопределенно ответила Вера. – То ли выгнали, то ли сам ушел на зов любви...

Странно: уйти от такой женщины, как старшая Брусника... О чем это говорит? «Не родись красивой, а родись счастливой». Но похоже, счастливыми никто не рождается. Счастье надо выбивать кулаками, ваять самому.

Ясик вдруг задумался: а счастлива ли его мама? Раньше ему не приходило это в голову.

Всё-таки счастье женщины – это мужчина, которым она гордится.

У Клары интересная жизнь: поездки, экспедиции, банкеты, призы... Но всегда одна... А хочется, наверное, чтобы кто-то помог тащить аппаратуру, чтобы кто-то вступился при скандале, чтобы под столом кто-то подвинул коленку к коленке. А сейчас для коленки только кот Маркиз, которого она всюду таскает за собой. Маркиз, без сомнения, первач среди котов. Глаза, как автомобильные фары.

На ночь Клара укладывала его в ноги, но он тихо, как партизан, добирался до подушки, клал голову на одно ухо и тихо дышал посвистывая. И ничего ему не скажешь. Он подчинялся только своим желаниям. Характер.

Клара страстно любила сына и профессию – а это уже две трети счастья. У других и этого нет.

Ясик спросил у Веры:

– Твоя мама чем занимается?

– Пишет диссертацию.

– На какую тему?

– Тутовый шелкопряд.

– А что общего у шелкопряда с твоей мамой?

– У шелкопряда ничего. А у мамы с ним – настоящее и будущее.

Значит, старшая Брусника научный работник.

Включили магнитофон. Загрохотала музыка. Молодежь запрыгала и заскакала. Освободились стулья. Ясик подсел к старшей Бруснике:

– Как вас зовут?

– Карина Всеволодовна.

Ясик посчитал, сколько букв в отчестве Всеволодовна, получилось двенадцать. Много.

– А можно просто Карина? – спросил Ясик.

– Если хотите.

– А как выглядит тутовый шелкопряд?

– А вы не видели?

– Никогда.

– Мохнатый. Симпатичный.

– Он похож на саранчу?

– Что вы... Саранча – бандит, а шелкопряд – трогательный и воспитанный. Друг человека.

– Моя мама – кинооператор. Она может сделать портрет вашего друга.

– И что я буду делать с этим портретом?

- Повесите на стену. Будете беспрерывно с ним беседовать.
- Интересно...

Подскочил Серега Птичкин. Обратился к Карине:

- У вас можно курить?
- Можно. На лестничной площадке, – разрешила Карина.

Все выкатились на лестничную площадку.

Дверь осталась приоткрытой. Покачивалась от сквозняка.

Карина тоже вышла на площадку. Закурила. Ей шло.

Ясик представил себе, как он познакомит Карину с мамой. Мама скажет: «Где ты ее взял? В доме престарелых? Кого ты выбираешь: то уголовницу, то ветерана? А нормальных девушек нет?»

«Мне нормальные неинтересны».

«Почему?»

«Потому что я сам ненормальный».

И вдруг раздался хлопок. Сквозняком захлопнуло дверь, щелкнула защелка.

Карина затушила сигарету плевком. Это был абсолютно мужской жест. Ее лицо стало растерянным.

– Писец подкрался незаметно, – проговорила маленькая Вера.

– Что-то случилось? – участливо спросил Ясик.

– Случилось. Захлопнуло дверь, ключа нет, – объяснила Вера.

– А что же делать? – спросил кто-то из студентов.

– Я знаю, что делать, – сказал Серега Птичкин. – Можно попасть на вашу лоджию через лоджию соседей.

– Как попасть? – не понял Ясик.

– Перелезть. Это легко. Я перелезал.

– Когда это ты перелезал? – Вера сделала страшные глаза. Ей не хотелось продолжать эту тему.

Карина позвонила в соседнюю дверь. Вышла старуха с палкой.

– Вы разрешите нам пройти на вашу лоджию? – спросила Карина. – У нас дверь захлопнулась. Мы хотим через ваш балкон попасть на наш балкон.

– Пусть обувь снимут, – недовольно приказала старуха.

Вся компания скинула с ног обувь и гуськом прошествовала в квартиру. Из квартиры вывалились на лоджию.

Лоджии шли сплошняком, примыкая одна к другой. Их разделяла бетонная перегородка, сантиметров тридцать, не больше, но и не меньше.

Надо было забраться на перила имеющейся лоджии и, держась за перегородку переступить эти тридцать сантиметров сначала одной ногой, потом другой. Подвинуть тело.

Не сложно, но неприятно. Все-таки седьмой этаж, все-таки полный желудок еды и выпивки.

Будущие актеры переминались, как гуси. С одной стороны, тянуло выглядеть героем, с другой – страх высоты. Неприятно сорваться и лететь вниз с ускорением свободного падения 9,8.

Ясику хотелось нравиться Карине. Он без труда забрался на перила, обнял перегородку двумя руками. Дальше надо было перенести правую ногу на тридцать сантиметров вправо. Ясик оторвал ногу от перил, но руки почему-то поехали, увлекая за собой всего Ясика.

Ясик успел подумать: « $F = ma$. Сила удара равна массе, умноженной на ускорение».

Сердце стремительно разрасталось в груди и растворялось в брызги. Отвратительное чувство. Ясик заорал, на все ушло пятнадцать секунд. Не много. Но и не мало. Пятнадцать секунд живого ужаса.

А дальше – чернота. Черный квадрат Малевича. Оказывается, вот что такое квадрат Малевича: небытие.

Ясик остался жив, но парализован. Руки работали. Все, что ниже поясицы, – молчало. Врач сказал Кларе:

– Перелом позвоночника с разрывом спинного мозга. Спинной мозг не передает сигналы.

– А что же делать? – растерянно спросила Клара.

Её мозг отказывался верить в случившееся. Сын ушел из дома на своих ногах, а сейчас лежит как доска. Потом когда-нибудь пересядет в кресло – и так будет всегда.

– Что же делать? – повторила Клара.

– Что тут можно сделать? Медицина не научилась восстанавливать спинной мозг. Такие больные называются «спинальники». Рузвельт был спинальник и руководил целым государством. Все зависит от человека. Как себя организовать. Кто рядом.

Клара изменилась до неузнаваемости. Стопроцентная седина, лицо бежевое, как орех. Работу не бросала. Копила деньги.

Кому нужен Ясик – нищий инвалид? А с деньгами можно будет купить сиделку. Любовь не купишь, а все остальное продается.

Студенты навещали Ясика. Их поражало его спокойствие. Ясик стал похож на Христа: прямые волосы, впавшие щеки, серо-зеленые глаза смотрели твердо.

Считали, что Ясик – мужественный, сильный. А все проще. Ясик не хотел жить и продумывал пути ухода. Какой смысл оставаться на этом свете и сидеть в кресле, как привидение? Лучше покинуть этот мир, никого не грузить и не длить это бессмысленное существование в кресле на немой заднице.

Однажды пришла Карина Всеволодовна. Клара провела ее в комнату Ясика.

Карина застыла, пораженная красотой и трагедией молодого человека. Клара стояла рядом с сыном – бесстрастная, как экскурсовод возле статуи.

Карина перевела глаза на Клару и сказала:

– Простите...

– У меня сын парализован, а вы: «Простите».

Действительно, у Клары рухнула жизнь, а Карина: «Простите», будто наступила на ногу.

– Вы защитили диссертацию? – перебил Ясик.

– Да. Я профессор.

– Профессор, а дура набитая, – заметила Клара.

Ясик сделал вывод: мама не изменилась. Какая была, такая и осталась. И это хорошо.

Клара вышла из комнаты, не желая делить с Мариной одно пространство.

Прежде чем покинуть дом, Карина подошла к Ясику, низко наклонилась и поцеловала его в угол рта.

Что это было? Сочувствие? Прощание? То и другое.

От Марины исходил аромат жасмина, как будто Ясик опустил лицо в жасминовый куст.

Прежние случайные подружки Ясика подванивали потом, котлетами фабрики им. Микояна и прочими посторонними запахами.

Ясик знал, что Карина сейчас уйдет и будет благоухать другому. А он останется один, неподвижный и бесперспективный, как трупак в морозильной камере.

Карина ушла. Анжела уехала. Позвоночник сказал: «До свидания, Ясик...»

Чем жить так, лучше не жить совсем. Уйти. Но даже это он не сможет сделать без посторонней помощи.

Кого попросить? Только Клару. Больше некого.

Ясик часто репетировал предстоящий разговор.

Анджела вернулась из Пскова. Она ничего не знала о печальных событиях и ждала, когда Ясик проявится первый. Не хотела унижаться.

Анджела устроилась в морг санитаркой, мыла трупы из шланга щеткой. Отмывала следы крови, оставшиеся после вскрытия. Трахалась с Толиком без особой любви. Так, для порядка.

Работа хорошо оплачивалась. К трупам Анджела относилась спокойно, без страха и безгловости. Можно сказать, сочувственно. Они же не виноваты, что умерли. Все умирают в свой срок. Такой порядок.

Ясика Анджела любила по-прежнему, даже больше. Иногда страстно хотела позвонить, но боялась напороться на мамашу. Анджела понимала, что через мамашу ей не переступить, нечего и начинать. Анджела – стойкий оловянный солдатик. Она не унижалась даже в тех случаях, когда ее били. Не просила пощады и не плакала. И сейчас стойко терпела разлуку.

Барак не переселяли. Он так и стоял посреди квартала, как бомж.

Анджела могла бы пойти к городскому начальству, но надо мести хвостом, доказывать. Государство было равнодушно к детдомовским, и они стройными рядами пополняли криминал.

Анджела решила оклеить комнату белыми обоями, чтобы замаскировать трещины. Купила клейстер. Развела. Нарезала обои. Оставалось наклеить, но одной не справиться. Надо, чтобы кто-то помог. Придерживал.

Анджела задумалась: кого попросить? В этот момент открылась дверь и вошла Клара.

Анджела растерялась и проговорила:

– Какие люди в Голливуде...

– Я пришла попросить прощения, – сказала Клара.

– А ты что, умираешь?

– Почему?

– Потому что просят прощение перед смертью. Ты и в самом деле неважно выглядишь. У тебя, случайно, не рак?

– Хуже.

– Ладно. Главное, что не рак. Помоги мне обои наклеить.

– А что надо делать?

– Подержать внизу. А то обои ерзают.

Клара быстро сняла дорогой кардиган, брюки. Осталась в нижнем белье. Ретиво принялась за работу: ползала на коленях по полу, выравнивала, держала.

Комната маленькая – восемь метров. Справились быстро, однако часа три ушло.

– Я в долгу, – сказала Анджела.

– Помнишь, ты хотела к нам переехать? – спросила Клара. – Так вот. Переезжай. И живи сколько угодно.

Анджела ничего не могла понять. Смотрела, как в афишу коза. Сказка становилась былью.

Анджела вошла в комнату Ясика. Увидела его в кресле на колесах. Все поняла. Остолбенела. Но это был Ясик. Живой. В шаговой доступности. Ее собственный. Никуда не убежит. Никогда. Ее навеки.

Анджела подошла и села к Ясику на колени. Обняла. А он обнял Анджелу, руки ему служили. От Анджелы пахло клейстером.

Клара стояла в дверях, и ее бедное сердце оттаивало, вытекало слезами.

Анджела перевезла свои вещички – небольшой узелок. Поселилась у Ясика.

Работала в морге не полную неделю, но все же работала. Надо было зарабатывать. Расходы.

Анджела научилась делать массаж и грамотно растирала парализованные ноги Ясика. Это было необходимо. Ноги сохли от бездействия, становились тоньше. Анджела боролась с параличом наперегонки – кто раньше успеет?

Анджела бегала на лесопилку и приносила Ясику качественные деревяшки. Ясик вытачивал фигурки зверей. Клара относил их в художественный салон. Шли нарасхват. Салон платил неплохие деньги. Себе брали сорок процентов. Много. Положено брать двадцать процентов, но что же делать? Время такое: ни стыда ни совести. Приходилось мириться.

Далее Ясик стал вытачивать святых: Николай Угодник, Нил Преподобный, Черный Монах. Клара относил в церковь. Там брали пятьдесят процентов от дохода. «Нет правды на земле, но правды нет и выше». Клара не роптала. Главное – Ясик был занят.

Жизнь Анджелы текла однообразно: трупы – на работе, парализованный – в доме. Но были общие ночи. Ничего особенного. Просто спали вместе, сплетая тела, пропитанные любовью. И больше ничего не надо.

А потом Анджела сообразила, что надо больше. А именно: законный брак, прописка, положение в обществе. И хорошо бы уйти из морга на киностудию. Кем? Актрисой! А кем же еще? Не боги горшки обжигают. Режиссер ей скажет, что надо делать, она и сделает. Дадут текст, она и произнесет.

– Кому ты там нужна? – вопрошала Клара.

– Никому, – соглашалась Анджела. – Но вы знаменитость. Вы меня протырите.

– Я кинооператор, а не режиссер. От меня ничего не зависит, кроме изображения.

– Позвоните Боголюбову, он протырит.

– Боголюбов старый.

– Старый, но живой.

Анджела все человечество делила на живых и мертвых. Бытие определяет сознание.

Что делать?!

Клара хваталась за голову.

– Я думала, что она – золото, самородок. А она – жлобиха, хищница, как я и думала в самом начале. Чудес не бывает.

– А что бы ты хотела? – защищал Ясик. – Я умру. С чем она останется?

– Почему ты умрешь? Не говори так. Если с тобой что-то случится, я жить не буду.

– И кому отойдет квартира? Домоуправлению? Так хоть Анджеле. Она никогда не жила по-человечески. Пусть будет какая-то компенсация.

Клара молчала. Голова ее мелко тряслась. Последнее приобретение: тряслись руки и голова.

– Не знаю даже. Внутренний голос говорит мне: «Ни за что!»

Ясик усмехался:

– Я твой внутренний голос знаю...

Анджела продолжала настаивать. Клара тормозила всеми четырьмя лапами, как собака, которую тащат за хвост. Анджела включила шантаж, а именно: перестала массировать ноги Ясика. Стала самостоятельно ходить по вечерам в кино. Объясняла, что хочет людей посмотреть и себя показать. Клара понимала, что главное – себя показать.

Клара пошла в поликлинику и договорилось с массажисткой Леной. Лена стала приходить два раза в неделю – тихая, дисциплинированная, с нежными и одновременно сильными руками.

Лена – это был ход Клары. Тогда Анджела сделала свой ход: собрала шмотки и уехала на Лесную. Ждала, что Клара кинется следом с мольбой и увещанием. Но Клара тянула.

Прошла неделя. За ней еще неделя.

Что же происходило?

А происходило следующее: Лена перерыла весь интернет и нашла клинику. Самое смешное, что клиника находилась не где-нибудь в Милане или Мюнхене, а в Тверской области. Как сказала бы Анджела: «Жопа географии».

Молодые врачи придумали «байпасы» для спинальников. Байпасы – это обходные пути. Их применяют в кардиологии: когда артерия забивается холестерином, забитые участки обходят дугой, сделанной из твоего же сосуда. Почему в кардиологии можно, а в неврологии нельзя? Почему нельзя обойти прерванный участок спинного мозга, сделать как бы мост для нейронов?

Спинальников в стране – море. Они не умирают, но и не живут. Какое было бы событие, если бы спинальники все вдруг разом поднялись на ноги...

Лена созвонилась с клиникой. Ей сказали, что можно приехать. Примут. Единственно, надо привезти с собой пододеяльник и подушку. В клинике не хватает белья.

Гениальные специалисты есть, а белья нет. Страна контрастов, как Индия.

Прошел месяц.

Ясик проснулся от того, что по его ноге ползла муха. Он откинул одеяло, приподнялся и шлепнул рукой по ноге. Муха улетела. Нога дернулась, а это значило, что нейроны осторожно, как муха, пробирались по байпасам. «Сон», – подумал Ясик.

В палате было две койки. На второй койке спали валетом Клара с Леной. В окно глядела луна, она была большая, круглая и желтая. Какая-то деревенская. В Москве луна мутная, как в молоке.

Ясик закрыл глаза. Ему приснился отец – седой и старый. Отец вошел в палату, наклонился и обнял Ясика. Ясик почувствовал на своем лице его щетину.

– Папа? – произнес Ясик.

Он боялся проснуться. Хотел, чтобы сон длился: отец стоял рядом, муха ползла. Потом Ясик все-таки проснулся, но все оставалось по-старому: отец обнимал его, скреб лицо щетиной.

Это был не сон.

Мир против нас

Однажды в моем доме раздался звонок, и молодой голос спросил:

– Могу я услышать Викторию Токареву?

– А вы кто? – поинтересовалась я.

– Никто.

– А имя у вас есть?

– Есть. Меня зовут Ким.

– Вы китаец?

– Нет. Почему вы так решили?

– Имя китайское. Они там все Кимы.

– Ким – это Коммунистический интернационал молодежи. Папа придумал.

– Понятно, – сказала я. – Что вы хотите?

– Я хочу с вами познакомиться.

– А сколько вам лет?

– Двадцать четыре.

– А зачем нам знакомиться?

Я действительно не понимаю: что общего у двадцатичетырехлетнего юноши с пятидесятилетней теткой?

– Вы – мой кумир.

– От кумиров лучше держаться подальше, – посоветовала я. – Вблизи они очень сильно проигрывают.

– Мне не просто было позвонить вам. Не отказывайтесь, пожалуйста.

– А где вы живете? В Москве?

– Нет. Я живу в Челябинске.

– А чем вы занимаетесь?

– Я пишу.

Так и знала. Начинающий писатель. Меня часто разыскивают начинающие писатели и приносят свои книги на рецензии.

Это плохая идея. Мне последнее время ничего не нравится.

Талант – редкость. А засорять мозги отходами не хочется. Да и вредно. Это примерно то же самое, как есть просроченную колбасу. Потом тошнит и хочется блевать. А главное, не знаешь, что сказать. Обижать не хочется, а врать неприятно. Короче, лучше не принимать рукопись. Отказываться надо сразу – коротко и решительно. Не морочить человеку голову и не вселять пустые надежды. И еще я боюсь ошибиться: скажу «плохо», а это совсем не плохо, и получится, что я ударила человека по рукам.

– Я не буду читать вашу рукопись, – сказала я.

– Почему? – оторопел Ким.

– Я сейчас занята своей работой и не хочу отвлекаться.

– Я готов ждать сколько угодно.

– Зачем вам чужое мнение? Вы же все равно не перестанете писать.

– Не перестану.

– Писателю никто не нужен.

Ким молчал. Молчание было трагическим и одновременно вымогательским. Ким надеялся, что я передумаю. Эти начинающие наглые, как цыгане.

– Всего хорошего, – пожелала я и положила трубку.

Я вспоминаю свое начало. Мне помогали. Юрий Нагибин сказал: «Пишут все, а она писатель» – и налил мне стакан водки, а я его выпила. Притом что до этого никогда не пила, тем более стаканами. Я уже где-то это рассказывала, но что же делать? Из песни слова не выкинешь.

Я помню этот день. Зима. Подмосковье. Мне двадцать шесть лет, вверху – заснеженные кроны деревьев, а внизу – снежная укатанная дорога с желтым следом навоза. Тогда еще по дорогам ходили лошади.

Когда меня спрашивают: «Какой у тебя был самый счастливый день?» – я вспоминаю этот. Еще бы...

Нагибин написал предисловие к моей первой книге. Предисловие лучше, чем вся книга.

Меня поддержал Константин Симонов, назвал мой рассказ «мастерский». Он позвонил мне в девять часов утра. Я помню это утро. Его голос.

Короче, мне помогали. Значит, и я должна помогать. Но, может быть, моя помощь заключается именно в отказе. Не вмешиваться.

Короче, я Кима отшила, но он оказался настойчив.

Через месяц опять раздался звонок.

– Вы звоните из Челябинска? – спросила я.

– Нет, я в Москве. Я приехал на один день.

– Зачем?

– Посмотреть спектакль в «Современнике».

– И всё?

– И всё.

– А где вы остановились?

– Нигде.

Я поняла: Ким приехал утром и будет весь день ходить по городу, присаживаться на лавочки, ждать начала спектакля. А ночью – поезд до Челябинска.

– А что вы едите? – поинтересовалась я.

– Булочки, баранки.

Значит, заходит в булочную и покупает хлебобулочные изделия. На обед в кафе денег нет.

Неужели существуют такие духовные молодые люди? Ради того, чтобы посмотреть спектакль, едут за тридевять земель, где их никто не ждет и негде голову приклонить.

– «Современник» – это хороший театр, – говорю я, чтобы что-то сказать.

Наверное, он хочет ко мне приехать. Было бы правильно пригласить его и хотя бы накормить. Но ехать ко мне – далеко. Он не успеет на спектакль.

– А зачем вам этот спектакль?

– Для кругозора.

Такие жертвы для кругозора, но, наверное, молодость тем и отличается от зрелости и перзрелости. Перзрелость не любит жертвоприношений. А старость просто отвергает всякие жертвы.

– Желаю вам удачного просмотра, – говорю я и кладу трубку.

Мне хочется отделаться от Кима, от чувства вины, которое он во мне пробуждает.

«Позвонит и перестанет», – думаю я, но ошибаюсь.

Ким снова звонит через какое-то время, и это продолжается целый год, до тех пор, пока я не сдаюсь.

– Ладно, – говорю я. – Приезжайте.

И диктую адрес. Я указываю ему время и место. Время – одиннадцать часов утра. Раньше придет, раньше уйдет.

Ким появляется в пятнадцать часов. То есть опаздывает на четыре часа.

Я ничего не понимаю. То пробивался целый год, а теперь не в состоянии явиться вовремя. Опаздывает на полдня. Что бы это значило?

А значило то, что он перепутал дорогу. Сойдя с автобуса, надо было идти перпендикулярно шоссе, а он пошел параллельно. И дошел почти до города Подольска. Тем временем небо затянуло фиолетовыми тучами и грянул дождь. Это был не просто дождь, а водопад, как будто на небе открыли все шлюзы.

Водопад долго не продолжается, но успевает вымочить до нитки.

Ким осознал свою ошибку и двинулся в обратную дорогу.

В пятнадцать часов он предстал передо мной – босой, как божий странник, держа в обеих руках свои кроссовки.

Я поняла, что это Ким. Больше некому. Он виновато улыбался – молодой, хорошего роста, очень красивый. Буквально красавец прибалтийского типа. Его рубаха прилипла к телу, выступали рельефные мышцы. Ким просто просился на обложку модного журнала.

Я моментально простила ему опоздание – не из-за красоты, а из-за выражения лица. Такого лица не могло быть у плохого, хитрого человека. На меня смотрела сама чистота и ясность. «Юности честное зерцало».

Ким объяснил мне свою географическую ошибку. Далее я усадила его обедать.

У меня в гостях была дочь, близкая Киму по возрасту. Мы сидели втроем, беседовали.

Ким признался, что хочет переехать в Москву. Челябинск – город хороший, но все равно провинция. Основная культура варится в Москве. Ким хочет попробовать себя в литературе.

– А какое у вас образование? – спросила дочь.

– Юридическое. Я окончил юрфак.

– Это хорошая работа, – предположила я.

– Сидеть в юридической консультации и подыхать от скуки. Я не переношу скуки.

– Кучерена и Резник – богатые люди, – напомнила я.

– Им уже по шестьдесят. Мне надо пахать сорок лет, чтобы стать Кучереной.

– А как вы собираетесь зарабатывать? – спросила дочь.

– Писать книги.

– Их никто не купит, потому что вы не раскручены, вас никто не знает.

– Но Токареву покупают. А она тоже когда-то начинала.

– Тогда было другое время. Советский Союз. Оттепель. Социализм. А сейчас... Сейчас капитальный криминализм, никто никому не нужен.

Ким промолчал. Я поняла: он собирается выбиться с моей помощью. Я должна протянуть ему руку и втащить на олимп.

– Нужен талант, – сказала я. – Праздник, который всегда с тобой.

– Я в себя верю, – спокойно сказал Ким.

– Это правильно, – поддержала дочь. – Только так можно переплыть океан. Иначе утонешь.

– У вас есть семья? – спросила дочь.

– Отец и мама.

– А жена и дети?

– Нет.

– Это хорошо. Не надо ни за кого отвечать. Не надо халтурить и заниматься всякой подёнкой. Можно делать то, что нравится.

– В крайнем случае можно писать сериалы, – подсказала дочь.

Я обратила внимание, что сериалы пишет целая команда. Человек по пять. Фамилии никто не запоминает и даже не прочитывает. Братская могила, но можно как-то прожить. От голода не помрешь.

Мы еще посидели какое-то время. Через два часа Ким попрощался.

Я люблю, когда гость не засиживается. У Кима внутренний такт, чувствовалось, что он из хорошей семьи.

Ким удалился, держа мокрые кроссовки в опущенных руках.

Дочь долго смотрела ему в спину, потом сказала:

– Его здесь в Москве обманут и кинут. Мне его очень жаль.

– Почему обязательно кинут? – спросила я.

– Современные продюсеры видят, кого можно обмануть, а кого нельзя. Его можно. За ним никто не стоит.

Я вспомнила виноватую улыбку Кима и расстроилась. Приедет из Челябинска и пойдет по кругам ада. Хорошо, если не сломается. Жизнь груба, а Создатель равнодушен.

Через год Ким переехал в Москву. Отец дал ему деньги на квартиру. У отца была своя конфетная фабрика. Похоже, что деньги у него водились.

На деньги, выделенные папашей, Ким подобрал две квартиры: двухкомнатную в спальном районе и однокомнатную в тихом центре возле парка.

Ким звонил мне и советовался. Я предпочитала двухкомнатную. Всё-таки спальное место должно быть скрыто от глаз. Две комнаты – минимум для молодого человека. Но Ким колебался. Район, в котором находилась двушка, заставлял забыть о Москве. Казалось, что ты живешь где-то в Казахстане, в городе Шевченко.

Однокомнатная квартира была угловой и напоминала корабль, плывущий в облаках. Рядом, через дорогу – парк. В парке можно гулять и дышать свежим воздухом и одновременно обдумывать свои замыслы. Город и загород одновременно.

Ким выбрал однушку. Единственное, что его смущало, – детский сад напротив. Прежние хозяева квартиры успокоили: детский сад для глухонемых детей. Дети не слышат и не говорят, а значит – не орут.

Ким поверил, но быстро понял, что его ввели в заблуждение. Попросту надули. Глухонемые дети орали пронзительно, как дельфины. Они не слышали друг друга и, возможно, не слышали себя, но энергия выплескивалась из них, как волны во время шторма, и все это начиналось в девять утра.

Помимо крика, и даже больше чем крик, Кима мучила калитка в железной ограде, ведущая в детский сад. Калитка хлопала железо о железо. И этот ритмичный стук сводил с ума. Заставлял ждать следующего хлопка. Б-бах! Второй б-бах! И так в течение всего утра.

Ким затыкал уши, но крики и бахи прорезали барабанные перепонки и затекали в мозги. И ничего нельзя было сделать. Ким ходил к директору детского сада. Это была женщина. Она выслушивала и ждала денег от Кима, но Ким про деньги не догадывался, а бесплатно ничего не делается.

Ким купил в хозяйственном магазине резиновую прокладку и наклеил её в место соприкосновения калитки и ограды, но клей не держал.

Все кончилось тем, что Ким поднимался в восемь утра и уходил в парк.

В парке было безлюдно – ни криков, ни стуков, и это умиротворяло.

Единственное, хотелось спать. Ким садился на лавку и дремал, как старик.

Тем не менее он обживался на новом месте. Наводил уют. Купил массивную дверь, обтянутую шершавой коричневой кожей, прошитой золотыми кнопками. Самая достойная дверь на лестничной площадке. Но и здесь, на площадке, не все было безупречно.

Рядом с Кимом жила девушка Рита, низкой социальной ответственности, как сейчас говорят. А попросту – проститутка. Она хотела поближе познакомиться с Кимом, но Ким ее сторонился. Боялся инфекции.

Внешне Рита неплохая и, если бы смыть с нее чрезмерную косметику, была бы даже милая. Но у нее был свой вкус, не совпадающий со вкусом большинства.

К Рите каждый день ходили гости. Они пили, вопили, а потом выходили на площадку и дрались. Слышался звон разбиваемых бутылок. Ким догадывался, что делали «розочку». Раз-

битая пополам бутылка имеет неровные острые края, в уголовном мире называется «розочка». Попадет такая «розочка» в лицо и можно остаться без глаз.

Киму хотелось выйти на лестницу и сделать замечание, но он боялся, что естественно.

Утром один изнуряющий шум, вечером другой – опасный и криминальный. Ким не мог смириться и чего-то ждал. И дождался. На лестнице стало тихо. По вечерам – тишина.

Ким решил, что Рита уехала. Стояло лето. Рита могла уехать к морю, в Сочи, например, или в Турцию. Лето – промысловый период. Темпераментные турки любят русских женщин с низкой социальной ответственностью. Можно хорошо заработать.

Ким понимал, что Ритин отпуск когда-нибудь кончится и все вернется на круги своя. Но тишина длилась и продолжалась почти все лето.

В один прекрасный день выяснилось, что Рита умерла и лежит в своей квартире мертвая и совершенно одинокая. Набежали Ритины родственники. Они пребывали в прекрасном настроении, весело ломали дверь, а потом два мужика вынесли Риту в крепкой простыне, ухватив с двух сторон. Поклажа покачивалась, как гамак и слегка текла. Простынь быстро промокла, стала темной.

Два мужика пронесли Риту мимо двери Кима, свернули на лестничный пролет и во время разворота качнули скорбной поклажей. Гамак проехал по двери Кима, оставив широкий густой след.

Ким отмывал и скреб несколько дней. Его породистая дверь была оскорблена и поругана. Ким воспринимал случившееся как собственное падение. Но более всего его удивляло отсутствие скорби или хотя бы видимости скорби. Родня откровенно радовалась освободившейся квартире. Недвижимость в центре стоит больших денег, неподъёмных для простого человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.